

Вольфганг Акунов

РАЗГРОМ

(НЕ ПО ФАДЕЕВУ)

Светлой памяти И.А. Бунина!

*Наступали на Москву тонкою паутиною задорных смелых
цепей, поддержанных танками. Отступали клочьями отрядов,
предоставленные сами себе и населению.*

П.Н. Краснов. «Единая-неделимая»

Штабс-капитан – корниловец граф Галенин – торопил спутников, хотя в этом не было нужды. Спутники и сами понимали, что, если они не поспешат, то марковец полковник Шпагин, раненый в бою с большевиками три дня тому назад, непременно отдаст Богу душу. А в имени Галениных – Суходоле – жил дядя штабс-капитана – земский врач, который мог спасти командира их сводного батальона, а в последнее время и полка, до последней возможности державшего участок фронта.

Восемнадцать всадников сопровождали дрожки, на которых лежал накрытый шинелью полковник Шпагин и сидел придерживавший его прапорщик Блинов. Дрожками правил кубанский казак, хорунжий Кокунько, прибившийся к отряду Галенина два дня тому назад, во время стычки с бандой красных «воинов-интернационалистов» (в которой было «всякой твари по паре» – китайцы, мадьяры, австрийцы из пленных, какие-то матросы, уголовники, цыган и даже негр из цирка).

Дорога на Суходол после недавних проливных дождей уже подсохла, и кони шли ходко. Вот уже появились из-за березовой рощи вершины могучих дубов и лип. Граф Галенин невольно улыбнулся, и, обернувшись, крикнул спутникам: «Господа, это наш парк!»

Они въехали в длинную аллею. Кони зацокали копытами по старинной брусчатке. Все повеселели, увидев сквозь деревья старинный барский дом с мансардой.

Штабс-капитан вдруг вздрогнул, напрягся и, полуобернувшись, скомандовал:

- К бою! В цепь! Окружай дом!

Его спутники: лихой рубака-вахмистр Проничев, прапорщик Сидельников, подпоручик Таланов, два юнкера-нижегородца – Космолинский и Кручинин, унтер-офицер Сухов, двое вольнопёров – Кузнецов и Пигилов, кадет Азаренков Московского корпуса, донской казак Мелихов, осетин Джиев и другие, привычно рассыпались в цепь, дали шпоры коням и взяли дом в кольцо.

Стёкла в окнах были выбиты, кое-где сняты и рамы. Перед домом стояли телеги, доверху нагруженные мебелью, зеркалами, люстрами и узлами с другой утварью. Группа мужиков неспешно укладывала у стен снопы соломы и поленья. Чуть поодаль, с расстёгнутыми воротами рубах и кумачовыми бантами на всю фуражку, лениво дремало несколько красноармейцев, разморившихся на солнышке. Никакого охранения по беспечности выставлено не было.

Горстка белых со свистом и гиканьем ворвались во двор. Двое красных успели пальнуть по разу из винтовок, но их сразу пристрелили. Остальное довершили шашки. Мужиков нагайками и выстрелами загнали в угол двора к сараю, поставив на колени.

Штабс-капитан граф Галенин и поручик Блинов взбежали на крыльцо, распахнули широкие двери... и сразу ощутили тошнотворный запах крови. Они отбросили ногами солому и поленья и шагнули из прихожей в зал. Пол был усыпан осколками стекла и посуды, обрывками каких-то бумаг, страницами из разорванных книг, обломками мебели. Ткань со стен была оборвана и висела клочьями.

В углу, в тускло блестящей луже крови лежал чей-то труп.

- Дядя, – каким-то бесцветным голосом сказал граф Галенин и шагнул в коридор.

Под лестницей лежал в крови лицом вниз могучего телосложения мужчина, сжимавший в руках охотничью двустволку.

- Это наш Семён. Он был ранен под Мукденом, Георгия заслужил. Дядя его подлечивал.

Сквозь выбитые двери офицеры вошли в спальню.

Граф Галенин, шедший впереди, качнулся назад и издал то ли крик, то ли стон. Блинов взглянул из-за его плеча – и почувствовал, как волосы зашевелились у него под малиновой дроздовской фуражкой.

На смятой окровавленной постели лежало голое женское тело. Сизые, в кроваво-желтых потёках жира кишки лезли из распоротого живота. Блинов, навидавшийся всякого за четыре года Великой и три года гражданской войны, тем не менее, почувствовал внезапный прилив тошноты и бросился вон, на свежий воздух.

Граф Галенин рванулся из спальни в коридор, оттолкнув Блинова, и заглянул в комнату в конце коридора. Там на полу лежало ещё одно голое мёртвое женское тело в потёках крови, царапинах и синяках, с зияющей раной под левой грудью.

- Маша... сестра – прохрипел Галенин и рванулся наверх.

В разгромленной комнате, белой от пуха из распоротых перин, они нашли третье мёртвое женское тело. В окровавленной груди убитой торчали крестьянские вилы-тройчатки. Граф Галенин глухо застонал, повернулся на каблуке и выбежал наружу. В углу коридора Блинов успел заметить еще два трупа – пожилой женщины (видимо, служанки) и совсем юной девушки, еще подростка. Жужжали мухи...

Блинов почти натолкнулся на Галенина, обошёл его и замер. Лицо штабс-капитана превратилось в маску – жестокую и беспощадную маску смерти. Поручик пытался найти какие-то слова, чтобы успокоить корниловца, но сам сразу же понял всю тщетность подобных попыток – ибо горе было слишком велико.

Граф Галенин медленно спускался с крыльца. И эта неторопливость была страшнее всего. Он шёл прямо к стоявшим на коленях мужикам, опустившим головы и старавшимся спрятаться друг за друга. Среди них выделялись своей хорошей одеждой и обувью двое явно не местных – в картузах и куртках дорогой черной кожи (правда, кожанки сидели на обоих мешковато, как будто были с чужого плеча).

Галенин прохрипел:

- Ты, бородатый, встать!

Один из кожаных, маленький человечек с рыжей, длинным клином, бородой, похожий на гнома, поднялся на короткие, полусогнутые, кривые ноги в ярко начищенных хромовых сапогах, снятых не иначе, как с убитого офицера:

- Кто такой? – голос штабс-капитана прозвучал неожиданно резко, как скрежет металла по стеклу.

- Я командир отряда... Лев Давыдов Левинсон. Вы не имеете права казнить нас без суда!

У маленького человечка с рыжей бородой оказались большие и ловкие глаза – они схватили графа Галенина и, вывернув его наизнанку, подержали так несколько мгновений, будто взвешивая всё, что там оказалось. Но это не помогло рыжебородому.

Штабс-капитан ударил его рукояткой нагана по зубам. Раздался хруст. Рыжебородый опрокинулся навзничь. Не дрогнувшей рукой Галенин всадил ему в голову три пули. Тело Левинсона дернулось, как будто он хотел вскочить, и жизнь покинула его со струей крови и мозгов из простреленного черепа.

Штабс-капитан перевел взгляд на другого кожаного.

- А ты кто такой?

- Я – комиссар отряда, Дмитрий Фу-фурман...

Крестьяне начали наперебой оправдываться, обвиняя убитого Левинсона и живого (пока) комиссара в том, что это те разрешили им брать барское добро.

- На осину его! – приказал граф Галенин своим обычным, слегка надтреснутым голосом, и поправил пенсне.

Фурмана (пытавшегося незаметно выбросить награбленное в доме золото и серебряный крест с груди повешенного красными священника) и двух прыщавых мальчишек с накокаиненными глазами – ночных партнёров командира и комиссара -, потащили к стоящей у дороги суковатой засохшей осине.

«Товарищи» катались по земле, пытались целовать белым сапоги, что-то верещали, но потом обгадились и, наконец, замолчали, отхрипев свое в петле.

Вернувшись во двор, граф Галенин резко скомандовал схваченным грабителям:

- Всем снять рубахи, живо!

Мужики замялись, но юнкера вскинули винтовки, и тем поневоле пришлось подчиниться.

Двенадцать грабителей – тех, у которых нашлись на теле царапины от женских ногтей, отвели в сторону. Штабс-капитан некоторое время молча смотрел на них. И те поняли, что на них смотрит сама Смерть. Она смотрела на них серебряным черепом с фуражки корниловца, «мёртвыми головами» с его черно-красных погон, «Адамовой головой» с траурной нашивки на его плече и с кольца на безымянном пальце его левой руки.

Граф Галенин ни о чем не спрашивал и ничего не говорил. Он знал их всех в лицо – знал, как отъявленных лодырей и пьяниц, самых худших, никчемных хозяев, не пользующихся никаким авторитетом в селе. И вот эти-то нелюди, явственно отмеченные печатью вырождения, стали убийцами и насильниками его матери – всегда помогавшей им, его дяди – земского врача, лечившего их, его сестры – учившей их детей, его невесты – так и не ставшей его женой, честных, добрых и трудолюбивых Семена, Агафьи и ее дочки Катюши.

Выхватив из ножен шашку, штабс-капитан рванулся вперед. Вокруг него зачавкало, захрустело, завизжало, захлюпало – падая наземь.

Пространство перед ним внезапно опустело. Но в углу двора ещё жались те, кто тоже грабил, те, кто не остановил насильников и убийц. Граф Галенин выронил шашку и вскинул наган. Его выстрелы слились с гулками выстрелами винтовок.

Штабс-капитан всё нажимал на спуск, пока в барабане пусто не стало. Затем, не оглядываясь на трупы, достал из узла простыни и пошел в дом. С крыльца, не оборачиваясь, глухо прохрипел:

- Сколотите семь гробов... или шкафы возьмите.

Хорунжий Кокунько сказал:

- Нужно восемь – полковник... отмучился.

В сарае нашлись доски, гвозди, пилы и молотки. Подъесаул вошел в дом. Вскоре он и штабс-капитан начали выносить завёрнутые в белое тела. Их молча укладывали в гробы и шкафы, забивали, ставили на освобождённые от награбленных вещей телеги. Прежде чем забить гроб умершего полковника Шпагина, граф Галенин поцеловал его в удивительно быстро окостеневший лоб, закрыл бескровное лицо умершего его белой марковской фуражкой и снял у него с пояса черные чётки-лествицу. Такие лествицы носили многие марковцы, с тех

пор, как осенью 1919 года получили их в дар от иеромонаха афонского Свято-Пантелеимонова монастыря, посетившего офицерский Марковский полк в Таганроге.

Фамильный склеп графов Галениных находился за парком, в берёзовой роще. Штабс-капитан с трудом открыл ржавым ключом железную дверь, и гробы внесли внутрь. Он сам запер замок и сломал в нем ключ. В углубление перед дверью вылили бочки с известью и набросали камней. Когда вернулись в дом, граф Галенин приказал приготовить дом, телеги и награбленное барское добро к сожжению, лошадей отпрячь и выгнать в поле, оставшуюся провизию забрать с собой, и сделать ему факел.

Тяжело ступая, корниловец поднялся в дом и минут через пять вышел с небольшим мозаиковым портфелем в руках. Когда закончили погрузку, Мелихов протянул штабс-капитану факел, сделанный на скорую руку из занавески, намотанной на ручку лопаты и пропитанной керосином.

Граф Галенин зажёл факел и пошел вдоль стен, поджигая солому и облитые керосином дрова. Он обошёл весь дом кругом, поднялся на крыльцо и бросил факел внутрь, в прихожую, на пол которой вылили остаток керосина.

Штабс-капитан некоторое время молча смотрел на разгорающееся пламя, охватившее родовое гнездо Галениных. Его худощавая фигура в черной корниловской форме резко выделялась на фоне пожара. Наконец он развернулся, провёл рукой по лицу и огляделся, как будто впервые увидел окружающее. Затем подошел к бочке с водой, помыл руки и сапоги.

И раздалась его команда:

- По коням! Рысью – марш!

Маленький сводный отряд белых ратников уходил на рысях от имения, над которым клубился дым и внезапно налетевший ветер раздувал рыжее гудящее пламя. Сколько таких Суходолов пало жертвой огня и разрушения по всей необъятной России – одному только Богу известно...

* * *

Штабс-капитан граф Галенин, расстрелял последнюю пулемётную ленту, разобрал замок «максима» и далеко разбросал детали. Всё было кончено. Их осталось только трое – он, подхорунжий Кокунько (поседевший в свои тридцать лет, как лунь), и раненый пулей в правую руку поручик Блинов.

Штабс-капитан и подхорунжий потеряли всех своих родных. Кокунько недавно навестил отецкую станицу, и случайно уцелевший мальчик рассказал ему о налёте красного карательного отряда, направленного на «расказачивание». После «расказачивания» живых казаков в станице не осталось...

Граф Галенин достал из мозаикового портфеля семейный альбом и какие-то бумаги, щёлкнул серебряной зажигалкой и поджег их. Он молча смотрел, как превращаются в пепел память о прежней жизни и прежней любви. Затем достал заветную флягу с шустовским коньяком и развинтил три походных металлических стаканчика.

- Ну, боевые друзья... по последней! Все берёт коньяк, чтоб выпить за победу, когда войдем в Белокаменную... да видать, не судьба!

Молча выпили.

Подхорунжий Кокунько сказал:

- Может быть, посадим поручика в челнок? Стрелять ему больше нечем, да и в рукопашной он сейчас не боец...

Граф Галенин взглянул на челнок-однодеревку, вытщенный на берег степной реки. Блинов запротестовал, но его не слушали и, подхватив с двух сторон, свели за руки к челноку. Крепко обнялись в последний раз, поцеловались три раза по русскому обычаю, уложили раненого дроздовца в челнок и сильно оттолкнули от берега.

Поручик Блинов через расщепленный борт смотрел на удаляющийся берег и две одинокие фигуры на нем.

Появились красные – человек тридцать. Подъесаул обнялся со штабс-капитаном, сбросил свою темно-синюю черкеску, перекрестился и в одном бешмете кинулся на «товарищей» с шашкой и кинжалом в руках. Красные стреляли в него, но поначалу не попадали. Потом начали попадать. Подъесаула Кокунько качало от попаданий красных, он падал, поднимался и всё продолжал бежать на них, молча и страшно, как сама смерть. Но не добежал. Упал. А они, страшась его и мёртвого, всё стреляли и стреляли в него. Кубанец дёргался под ударами пуль – казалось, что и мёртвый он все ещё ползет к большевикам, чтобы достать их во что бы то ни стало – своими ненавистью, шашкой и кинжалом, намертво зажатыми в сведённых предсмертной судорогой руках.

Блинов смотрел затуманенным от боли взором, как штабс-капитан приготовил две бомбы-лимонки, сунул их в карман выцветшей, простреленной шинели, встал и пошёл навстречу красным. Те, привычно захлёбываясь грязной матерщиной, толпой бросились к корниловцу со штыками наперевес – и тут сверкнуло ослепительное пламя, и на берегу прогремели два взрыва, слившиеся в один. Штабс-капитан погиб вместе с окружившей его «человечьей икрой».

Так закончился на Руси род служилых дворян графов Галениных, в котором за 300 лет из 85 мужчин 75 погибли в походах и боях за Отечество.

Поручик Блинов отёр глаза, слезившиеся, вероятно, от едкого порохового дыма, и, вытянувшись на дне челнока, стал потихоньку грести здоровой левой рукой. Надо было жить и выполнять свои обязанности. Русско-советская война ещё не кончилась.

(Рассказ был написан в соавторстве с Виктором Акуновым.)

ПРИМЕЧАНИЕ

Первоначальный вариант этого рассказа был опубликован в московском военно-историческом журнале «Рейтар» №20 (№8 за 2005 год).

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив](#) сайта!

Велесова Слобода, 2010 г.